

Хо Лань одной рукой обнимал Лян Сяо.

По правде говоря, не только Лян Сяо предполагал, что, как только Хо Лань узнает правду, он решит, что у Лян Сяо были скрытые мотивы.

Даже менеджер, перед тем как уйти, замешкался, несколько раз оглядываясь, словно хотел что-то сказать. Дворецкий тоже однажды попытался выведать что-то, тактично обходя острые углы.

Хо Лань задумался об этом и решил, что их предположения не совсем беспочвенны.

В деловом мире расстановка ловушек часто требовала безжалостной точности. Логично, что нельзя было позволить себе быть беспечным в присутствии кого-либо.

...

Но на самом деле он ни о чем таком не думал.

Хо Лань опустил взгляд, и его взгляд упал на Лян Сяо.

Когда он обнял Лян Сяо за плечи и спину, стало ясно, насколько Лян Сяо был худым. Его худоба была настолько заметной, что казалось, будто его лопатки выпирают.

Он слегка дрожал.

Опасаясь, что Лян Сяо может замерзнуть, Хо Лань изо всех сил сдерживал свои феромоны. Он опустил голову, собираясь что-то сказать, но вдруг почувствовал, как кто-то тянет его за подол рубашки.

Хо Лань нахмурился и посмотрел на Лян Сяо, чьи ресницы были плотно сомкнуты.

— Это было не трудно, — тихо пробормотал Лян Сяо, слабо опираясь рукой на грудь Хо Ланя. Его глаза были закрыты, а тон был непринужденным, даже шутливым:

— Честно говоря, черно-белая фотография сделала большую часть работы. Приблизительно можно сказать, что у нее было на 15 эпизодов больше экранного времени, чем у меня...

Его голос внезапно оборвался, он не мог продолжать.

Хо Лань поднял руку и слегка коснулся влаги, собравшейся под ресницами Лян Сяо.

Пойманный с поличным, Лян Сяо был крайне смущен и не мог вымолвить ни слова: «...»

Прошло так много лет.

Он прошел через многое.

Он играл трупы и бандитов, подменял актеров и даже изображал призрака. Он сыграл множество эпизодических ролей в разных постановках, прыгал со скал и нырял в воду.

Но одного объятия — просто объятия — было достаточно, чтобы он расплакался на месте.

Всего одно объятие.

Лицо Лян Сяо побагровело. Воспользовавшись тем, что Хо Лань убрал руку, он быстро и неловко вытер слезы.

В комнате не было ветра. Окна были плотно закрыты, так что не было и намека на то, что песок попал ему в глаза.

...Может быть, его укололи холодные, пронзительные феромоны Хо Ланя.

Чувствуя себя крайне смущенным и неспособным смотреть людям в глаза, Лян Сяо погрузился в отчаянные мысли. В оцепенении он пробормотал:

— Пятнадцать серий...

Хо Лань на мгновение опешил.

— Что?

— У черно-белой фотографии... было на целых 15 эпизодов больше, чем у меня.

Лян Сяо, смирившись со своей судьбой, отчаянно пытался найти хоть какое-то объяснение своим слезам. Поскребя дно бочки, он выпалил:

— Я завидовал. Немного разволновался.

Хо Лань был озадачен.

— Завидовал черно-белой фотографии?

Лян Сяо закрыл глаза и кивнул.

Хо Лань был сбит с толку.

— Завидуешь до слез?

Лян Сяо пошел ва-банк.

— ... Да.

Хо Лань, застигнутый врасплох, был полностью поглощен логикой Лян Сяо.

— Ты рассказывал об этом режиссеру Суну?

Лян Сяо должен был бы сойти с ума, чтобы сказать об этом режиссеру Суну.

— Нет...

Хо Лань нахмурился, задумавшись на мгновение.

— Я скажу ему.

Лян Сяо потерял сознание. Он быстро схватил Хо Ланя за руку — ту самую, которая так нежно обнимала его всю ночь.

Хо Лань остановился на полушаге.

Лян Сяо был поражен собственной реакцией и тут же разжал руку. Беззвучно произнеся успокаивающую мантру, он сказал:

— Черно-белая фотография... имеет свою ценность.

— Учитель Пэй — главный сценарист, — добавил Лян Сяо, заставляя себя обратиться к вышестоящему руководству. — Если фотографии дали пятнадцать эпизодов экранного времени, значит, в этих пятнадцати эпизодах она должна быть важна.

Лян Сяо проявил благородное бескорыстие.

— Ее нельзя убрать.

Хо Лань не очень хорошо разбирался в тонкостях кинопроизводства. Услышав доводы Лян Сяо, которые казались вполне разумными, он задумался и вернулся, чтобы сесть на кровать.

Сцены с фотографии вырезать не удалось.

Но, по мнению Хо Ланя, ключевой проблемой было то, что у Лян Сяо было на пятнадцать серий меньше, чем на фотографии.

Собрав все воедино, Хо Лань кивнул.

— Понял.

— Я разберусь с этим.

Вернувшись на съемочную площадку, Дуань Мин сел на маленький стульчик с бесстрастным выражением лица.

— Так вот почему твоя роль внезапно расширилась на два эпизода, и теперь у нас есть пять дополнительных дней съемок.

На холодном юге, без центрального отопления, съемочная группа постоянно страдала от холода. Чем скорее они закончат, тем лучше.

Зарплаты уже были выплачены; сколько бы дополнительных эпизодов они ни сняли, это не прибавило бы им ни юаня.

Дуань Мин больше не мог понять Лян Сяо и холодно проанализировал:

— Ты недоволен своей фотографией, потому что считаешь, что она занимает больше места на экране, чем ты.

Лян Сяо: «...»

Выражение лица Дуань Мина стало еще более недоверчивым, когда он продолжил:

— Со временем ты стал завидовать...

— Брат Дуань, — в отчаянии перебил Лян Сяо. — Пожалуйста, остановись.

Дуань Мин избавил его от дальнейших мучений, передав сценарий для недавно добавленных сцен и ободряюще похлопав по плечу.

Лян Сяо, ошеломленный, сжал в руках сценарий, нашел место рядом с масляным обогревателем, наклеил на себя две грелки и открыл сценарий, чтобы почитать.

...

Такой поворот событий был совершенно непредвиденным.

Хо Лань, несмотря на кажущуюся расчетливость и непроницаемость, был чрезмерно привержен логике.

В мире бизнеса он мог с легкостью разрабатывать стратегии и доминировать. Но если вы отклонялись от общепринятой логики, то могли загнать его в тупик, отставая от всех остальных как минимум на три главы.

В тот момент Хо Лань полностью проникся логикой Лян Сяо, который «до слез завидовал черно-белой фотографии». Более того, он даже сдержал свой гнев и какое-то время терпеливо его успокаивал.

Лян Сяо убедительно сыграл свою роль и при искреннем посредничестве Хо Ланя помирился с фотографией, как будто они были старыми друзьями, которые вместе выпили.

Лян Сяо думал, что на этом все закончилось.

Чего он не ожидал, так это того, что Хо Лань не только красноречив, но и отлично разбирается в математике.

— Нет проблем, — сказал дворецкий, подавая имбирный чай по приказу Хо Ланя и искренне пытаясь утешить Лян Сяо. — Вы расстроились из-за того, что у вас на пятнадцать серий меньше, чем на фотографии, верно? Что ж, теперь у вас на тринадцать серий меньше.

Лян Сяо непонимающе уставился на него.

— Большое вам спасибо.

— Не за что, — искренне ответил дворецкий, отмахиваясь. — Как ваше здоровье?

Лян Сяо недавно простудился из-за плохой погоды и подхватил лихорадку. Как только температура спала, он почувствовал себя таким же бодрым, как и всегда. В сочетании с постоянным приемом дополнительных лекарств он почти не замечал остаточного дискомфорта.

Он снова поблагодарил дворецкого, взял имбирный чай, подул на него и выпил залпом.

— Все в порядке.

Имбирный чай был приготовлен под бдительным присмотром дворецкого с добавлением огромного количества имбиря. Увидев, что Лян Сяо пьет его без добавок, дворецкий удивился.

— Не хотите ли воды?

— В этом нет необходимости.

Лян Сяо, не дрогнув, залпом выпил чай, как герой, осушающий кувшин вина.

— Я справлюсь.

По правде говоря, ему не всегда было так легко. За полгода восстановления он перепробовал бесчисленное количество странных лекарств. Со временем у него выработалась устойчивость.

Он мог пить гранулы от простуды как чай, и имбирный чай его почти не смущал.

Дворецкий с уважением забрал у него термос.

— Господин Хо будет здесь сегодня вечером. Пожалуйста, берегите себя.

Лян Сяо подумал, что связь между этими двумя утверждениями была слабой. Вытерев рот несколькими салфетками, он спросил:

— Как дела у президента Хо?

— Очень хорошо, — с предвкушением ответил дворецкий. — В последнее время его феромоны были относительно стабильны. Как только он появится здесь и оставит вам временную метку, все должно вернуться в норму.

Лян Сяо кивнул.

Хотя они с дворецким и понимали друг друга, в ту ночь у него только что спала температура, и он сильно потел. Хо Лань настоял на том, чтобы он не принимал душ.

График съемок был напряженным, и на следующий день работа на съемочной площадке возобновилась.

В то время Хо Лань был на утреннем совещании. Лян Сяо, только что принявший душ, ждал в зале ожидания аэропорта до десяти минут до посадки, но вместо Хо Ланя его встретили главный телохранитель и дворецкий.

Дворецкий проявил понимание.

— Мы вас не виним.

— Если приедет президент Хо, дайте мне знать, — с улыбкой сказал Лян Сяо. — Я сразу же поднимусь.

Дворецкий ждал этих слов и явно почувствовал облегчение.

— Конечно.

Лян Сяо закрыл свой сценарий.

— Кстати... есть еще кое-что.

Дворецкий выпрямился.

— Что бы вы хотели спросить?

Лян Сяо было любопытно.

— Почему президент Хо, кажется, так не хочет ставить временные метки?

На самом деле он заметил, что Хо Лань особенно не любил временные метки.

Когда он был в плохом настроении, он не хотел кусаться; когда он уставал после работы, он не хотел кусаться; когда здоровье его омеги не соответствовало ожиданиям, он не хотел кусаться.

Дворецкий был так же обеспокоен, как и Дуань Мин, менеджер, и ему каждый раз приходилось терпеливо убеждать президента.

— Мы тоже не знаем, — замылся дворецкий. — Возможно, это как-то связано с семьей президента Хо.

Затем Лян Сяо вспомнил, что Хо Лань возглавил семейный бизнес Хо сразу после совершеннолетия, и решил, что не стоит задавать больше вопросов. Он кивнул.

— Понятно...

Прежде чем он успел закончить фразу, дворецкий быстро продолжил:

— Сейчас рядом с президентом Хо нет членов его семьи. Никто не может разрушить его отношения. Его семейная обстановка свободна, что делает его качественным, идеальным одиноким альфой.

Лян Сяо наморщил лоб.

— Я не это имел в виду...

— Все в порядке. — Дворецкий хотел сказать что-то еще, пододвинул стул и сел рядом с ним. — Эта история должна начинаться с момента рождения президента Хо.

Лян Сяо: «...»

Дворецкий быстро подвел итог, объяснив в нескольких словах, как, согласно слухам и домыслам прислуги, экономки, поваров и уборщиков, сформировался холодный характер президента Хо.

Когда Хо Лань был молод, он не жил в семье Хо и не пользовался особой любовью родителей.

В детстве маленького Хо Ланя отдали на воспитание в одну из ветвей семьи. Когда пришло время идти в школу, его отправили далеко, в Цзяннань.

Позже Хо Лань вернулся в столицу, чтобы поступить в университет, но вскоре после этого его отец и мать погибли в авиакатастрофе во время путешествия.

В семейном бизнесе царил хаос, и Хо Лань взял все в свои руки.

Он рос в изоляции, без подходящих наставников, и, по мнению дворецкого, благодаря этому Хо Лань стал более оптимистичным, позитивным, дружелюбным и добрым.

— Господину не понравился президент Хо.

Дворецкий продолжил:

— Когда президент Хо учился в начальной школе, он серьезно написал письмо своим родителям. Он копил его целый семестр и во время летних каникул отнес домой, чтобы показать господину.

— ...

Лян Сяо не особо удивился. Он выдохнул и подавил в себе сочувствие.

— Что случилось потом?

— Господин выбросил его.

Дворецкий сказал:

— Он выбросил его в клумбу под окном. В тот день шел проливной дождь, и президент Хо сам выбежал на улицу, чтобы забрать его... но ему не удалось ничего принести обратно.

Лян Сяо нахмурил брови, но ничего не сказал.

Дворецкий на мгновение замешкался, а затем мягко продолжил:

— Рядом с господином Хо всегда никого не было, и он не знает, как общаться с людьми. Если возможно, мы хотели бы попросить вас дать ему немного больше времени.

— Вы никогда не задумывались, почему господин Хо, зная о том, что произошло пять лет назад, до сих пор не подозревает вас?

Дворецкий добавил:

— На самом деле он... хочет найти кого-то, кому он может доверять больше, чем большинству людей.

Лян Сяо сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, глядя в окно.

Дворецкий взял термос и тихо вышел из комнаты.

Капитан группы телохранителей присел на корточки за дверью.

— Вам не кажется, что это было слишком? — спросил капитан телохранителей с обеспокоенным выражением лица.

— Слишком много? — Дворецкий присел на корточки рядом с ним.

— На самом деле господин не игнорировал письмо, — сказал капитан, вспоминая. — Он просто оставил его на подоконнике. Окно было открыто, и горничная случайно выронила его.

Дворецкий спокойно ответил:

— Достаточно близко.

— В тот день даже не было проливного дождя, — продолжил капитан. — Погода была прекрасная.

— Достаточно близко, — повторил дворецкий.

— И господин Хо не выходил на улицу, чтобы поискать его...

Даже в детстве характер Хо Ланя был примерно таким же, как сейчас.

Письмо было написано аккуратно, каждый штрих был продуман. Он написал много таких писем, собрав толстую стопку, которую аккуратно положил под дверь кабинета.

Но как только он это сделал, на этом все закончилось.

Для Хо Ланя отдать что-то было полностью его решением — это не требовало ответа или чьей-либо привязанности.

— ...

Дворецкий глубоко вздохнул.

— Господин Хо искал его.

— Я уверен, что он этого не делал, — настаивал капитан. — Я отчетливо это помню.

— Он искал.

Капитан покачал головой.

— Он этого не делал.

Проработав много лет главой службы безопасности семьи Хо, капитан имел доступ ко всем камерам наблюдения в поместье и был уверен, что не ошибается.

— Он...

— Он искал его, — дворецкий прикрыл рот капитана рукой. — Господин Хо искал всю ночь. Его одежда промокла насквозь. Дул пронизывающий ветер и лил дождь.

Капитан в замешательстве нахмурился.

— Какое это имеет отношение к плану?

— Наш план состоит в том, чтобы свести господина Хо и господина Ляна, — терпеливо объяснил дворецкий.

Капитан кивнул.

— Совершенно верно.

— И как же мы этого добьемся? — вздохнул дворецкий с седыми волосами. — Заставив господина Ляна споткнуться и случайно упасть в чистые и благородные объятия господина Хо?

<http://bllate.org/book/12538/1116421>